

НУРИСТА́НСКИЕ ЯЗЫКІ́

Авторы: А. И. Коган

НУРИСТА́НСКИЕ ЯЗЫКІ́ (устар. — кафирские языки), подветвь арийской ветви [индоевропейских языков](#).

Распространены гл. обр. на северо-востоке Афганистана (пров. Нуристан), а также на северо-западе Пакистана, где проживает часть носителей яз. кати; см. также [Нуристанцы](#). Оценки общего числа говорящих на Н. я. варьируют от 30 до 120 тыс. чел. (нач. 21 в.).

Обычно к Н. я. относят 4 языка: кати (камката-вири), диалекты которого [ката-вари, мумвири, камвири (башгали)] иногда квалифицируются как отд. языки, вайгали (вайгели, вай-ала, калаша-ала), ашкун и прасун (паруни, верон, васи-вери). Иногда выделяют в качестве отд. языков трегами (гамбири) и земиаки, близкие к вайгали и нередко рассматриваемые как диалекты последнего. Возможно, к Н. я. относится также яз. дамели, причисляемый рядом исследователей к [дардским языкам](#). Существование разл. точек зрения объясняется тем, что дамели обнаруживает признаки как нуристанских, так и дардских языков.

Н. я. — наиболее рано отделившаяся подветвь арийских языков. Их обособление предшествовало разделению остальных языков арийской общности на [индоарийские языки](#), [иранские языки](#) и дардские языки (см. также [Индоиранские языки](#)). С дардскими языками Н. я. сближаются по ряду ареально-типологич. признаков, что в 20 в. давало ряду учёных основание включать языки обеих групп в единую генетич. общность. Дальнейшие исследования показали несостоятельность такой точки зрения.

Особенность [вокализма](#) Н. я. — наличие назализации гласных. Для [консонантизма](#) характерны: оппозиция церебральных и нецеребральных согласных, охватывающая как взрывные, так и аффрикаты, шипящие и дрожащие; противопоставление однофокусных и двухфокусных аффрикат (типа с — щ). В яз. кати отмечено противопоставление согласных по признакам палатализованности и лабиализованности (огублённости). Яркое отличие Н. я. (кроме, возможно, дамели) от соседних дардских и индоарийских — отсутствие оппозиции придыхательных и непридыхательных согласных. В языках ашкун и дамели предполагают наличие [тонов](#).

Н. я. представляют собой [флективные языки](#) с элементами [аналитизма](#) и [агглютинации](#). Падежные системы включают от 2 (кати, прасун) до 5 (ашкун) форм и дополняются системой предлогов и [послелогов](#). Категория рода (представленная обычно муж. и жен. родом) у существительных лексическая, у прилагательных — словоизменительная. Число (единственное и множественное) выражается вместе с падежом в рамках системы склонения, имеются также агглютинативные показатели группового множества (в кати -kylí, в вайгали -kele, в прасун -kili), находящиеся вне падежной системы. [Определённости-неопределённости категория](#) выражается неопределённым [артиклем](#), в функции которого, как правило, используется числительное со значением «один», и разл. падежным оформлением [объекта](#). Характерна двадцатеричная система счисления. Личные местоимения имеются только для 1-го и 2-го лица, функцию личных местоимений 3-го лица выполняют указат. местоимения. В разных языках последние составляют от 2 (дамели) до 5 (ашкун, прасун) серий, выражающих степень удалённости от говорящего, адресата, а также пространственную ориентацию по вертикали. Имеются

местоименные *клитики*, которые употребляются с именами и выражают принадлежность, совпадая т. о. по функции с притяжат. местоимениями. В кати, вайгали и ашкун они стоят в постпозиции к имени (кати *tot-is*, вайгали *tat-is*, ашкун *dī-as* 'его отец'), в прасун – в препозиции (*əm-eŋ* 'моё слово'). Для глагольных систем характерно наличие как многочисл. флективных, так и большого числа аналитич. форм. Яркая отличит. черта Н. я. – сложная система средств выражения пространственной ориентации, которая включает превербы, адвербы и адъективы, выражающие местонахождение предмета или направление его движения.

Синтаксис большинства Н. я. характеризуется сосуществованием номинативной и эргативной конструкции предложения (см. *Номинативный строй*, *Эргативный строй*); последняя выступает в предложениях с перех. глаголами в перфектных временах. Прасун является языком номинативного строя. Базовый *порядок слов* в простом предложении во всех Н. я. «субъект + объект + предикат».

Вследствие географич. изоляции нуристанцев сохранность исконного словарного фонда Н. я. весьма высока, хотя не исключено наличие значит. числа заимствований из соседних языков, прежде всего из дардских.

Заимствования из *пушту* и *дару*, а также (через посредство последних) из араб. языка стали проникать в Н. я. с кон. 19 в., после афг. завоевания Нуристана (1895), называвшегося в то время Кафиристаном, и обращения его жителей в ислам. Доля таких заимствований в словаре Н. я. всё ещё относительно невелика, хотя и постоянно растёт.

Все Н. я. бесписьменные. Существует проект создания письменности (на базе араб. графики) для яз. кати.

Изучение Н. я. началось на рубеже 19 и 20 вв., первым в поле зрения европ. исследователей [Дж. Биддалфа, Дж. Дейвидсона (оба – Великобритания)] попал вост. диалект яз. кати (камвири, или башгали). В 11-томном «Лингвистическом обзоре Индии» («Linguistic Survey of India», 1903–28), составленном коллективом учёных под рук. Дж. А. Гирсона (Великобритания), приводится материал по языкам кати, вайгали и прасун. В 20 в. наибольший вклад в изучение отдельных Н. я. внесли Г. Моргенштерне (Норвегия) и А. Л. Грюнберг (СССР). Исследование Н. я. в сравнительно-историч., типологич. и ареальном аспектах, проводившееся весьма интенсивно в 1920–2000-е гг., связано прежде всего с именами Моргенштерне, Г. Буддрусса (Германия), Ж. Фусмана (Франция), Р. Странда (США), Грюнберга, Д. И. Эдельмана (Россия).

Литература

Лит.: Morgenstierne G. Report on a linguistic mission to Afghanistan. Oslo, 1926; idem. The language of the Ashkun Kafirs // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. Oslo, 1929. Bd 2; idem. Additional notes on Ashkun // Ibid. Oslo, 1934. Bd 7; idem. Notes on Dameli, a Kafir-Dardic language of Chitral // Ibid. Oslo, 1942. Bd 12; idem. Indo-European k' in Kafir // Ibid. Oslo, 1945. Bd 13; idem. The language of the Prasun Kafirs // Ibid. Oslo, 1949. Bd 15; idem. The Waigali language // Ibid. Oslo, 1954. Bd 17; idem. Die Stellung der Kafirsprachen // Morgenstierne G. Irano-Dardica. Wiesbaden, 1973; idem. Languages of Nuristan and surrounding regions // Cultures of the Hindukush. Wiesbaden, 1974; Эдельман Д. И. Дардские языки. М., 1965; она же. Дардские языки // Языки Азии и Африки. М., 1978. Кн. 2; она же. Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности // Вопросы языкознания. 1992. № 3; она же. Нуристанские языки // Языки мира: Дардские и нуристанские языки. М., 1999; Linguistic Survey of India / Ed. G. Grierson. [2nd ed.]. Delhi, 1968. Vol. 1. Pt. 1–2. Vol. 8. Pt. 2; Грюнберг А. Л. Опыт лингвистической карты Нуристана // Страны и народы Востока. 1971. Вып. 10; он же. К диалектологии дардских языков (глангали и земиаки) // Индийская и иранская филология: Вопросы диалектологии. М., 1971; он же. Языки Восточного Гиндукуша: Язык кати. Тексты,

грамматический очерк. М., 1980; Fussman G. Atlas linguistique des parlers dardes et kafirs. P., 1972. Vol. 1–2; Strand R. F. Notes on Nūristāni and Dardic languages // Journal of the American Oriental Society. 1973. Vol. 93. № 3; Buddruss G. Nochmals zur Stellung der Nūristān-Sprachen des afghanischen Hindukusch // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. Münch., 1977. H. 36; Edelman D. I. The Dardic and Nuristani languages. Moscow, 1983; Degener A. Die Sprache von Nisheygram im afghanischen Hindukusch. Wiesbaden, 1998.